
ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

Д. С. АРТАМОНОВ, С. В. ТИХОНОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ЛЖЕНАУКА КАК ФЕНОМЕН СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСФЕРЫ¹

Статья посвящена взаимодействию научного и лженаучного исторического знания в медиасфере. Методология исследования представлена совмещением языка истории идей и социального конструктивизма на основе терминологического аппарата теории коммуникации. Рассматривая историческое научное знание как элемент печатной медиасферы, авторы исследуют его особенности, приводящие к появлению знания лженаучного, а также устанавливают электронно-медийный характер манипулятивных приемов лженауки. Авторы приходят к выводу о том, что, хотя мифологизирующий потенциал лженауки очень высок, ее роль в формировании исторической памяти остается вторичной по отношению к науке – до тех пор, пока последняя в состоянии обеспечивать общество «надежным» прошлым благодаря качественным историческим исследованиям.

Ключевые слова: историческая наука, методология, историческая лженаука, медиасфера, исторические мифы, историческая память

Представления о прошлом – ключевой ресурс социального конструирования настоящего. Знания о былом многофункциональны: обеспечивая основания социальной коммуникации на всех ее уровнях, они формируют индивидуальную и коллективную идентичность, задают векторы интеграции и дезинтеграции, обеспечивают когнитивную платформу социальных оценок и решений. Система производства знаний о прошлом полисубъектна, тотальна по масштабу и предполагает значимость вклада каждого социального субъекта. История – всенародное достояние в полном смысле этого слова, востребованность исторических знаний универсальна: «какими-то знаниями о прошлом обладает практически каждый; без него человек полностью выключен из социальных и политических дискуссий, точно так же, как потерявший память утрачивает большинство возможностей нормального человеческого общения»². Исторические знания качественно разнородны в силу многообразия типов познания, их социальный потенциал неравноценен, а отношения между разными дискурсами не нейтральны. Производимое исторической наукой как социальным институтом специфическое научное историческое знание о прошлом, несмотря на все дискуссии о статусе

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 17-33-01056 а2 «Мифы о прошлом в современной медиа-среде: практики конструирования, механизмы воздействия, перспективы использования».

² Тош 2000. С. 11.

се гуманитарных наук, остается максимально близким к эталонам объективности и достоверности, а потому оно открыто для всех агентов исторической памяти. Надежное прошлое в долгосрочной социальной перспективе дает большие преимущества, чем прошлое приятное/удобное, чем и объясняется высокий уровень востребованности исторического знания «от науки», а также его способность «синхронизировать» многообразие социальных знаний о прошлом, и, если и не приводить его к полифонии, то, хотя бы, избегать явной какофонии.

Однако ненаучные представления об истории отнюдь не являются покорным ведомым для науки, нередко они открыто бунтуют против ее авторитета или используют его как трамплин. Расцвет неформальной истории, пришедшийся на миллениарный рубеж, совпал со сломом методологической парадигмы истории институциональной, и это совпадение не было случайным. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на феномене *исторической лженауки*, «интегрирующем» два мира – исторической науки и творческой памяти масс, и попытаемся охарактеризовать детерминанты ее популярности в современной медиасфере. Наш анализ потребует совмещения языка двух дисциплинарных областей – истории идей и социального конструктивизма, которые мы попытаемся реализовать с помощью терминологического аппарата теории коммуникации. Иначе говоря, мы рассмотрим блок определенных идей (обозначив их как *историческую лженауку*), учитывая, а) интеллектуальные процедуры их производства; б) институциональный статус их авторов; в) социокультурную специфику коммуникационного канала, используемого для их тиражирования; г) их роль в воспроизводстве социального целого.

История и медиасфера. К понятию *медиасфера* относят часть общественной системы, связанную с функционированием средств массовой коммуникации. Содержание термина еще не устоялось. В узком смысле к медиасфере относят всю совокупность традиционных СМИ, в широком – все современное коммуникационное пространство, построенное на интегрировании массовых медиа (печать, радио, телевидение) и Интернет-технологий. М.А. Буряк определяет медиасферу так: «это совокупность идей, тем, мнений и других нематериальных сущностей, представленная медиатекстами, обладающими следующими признаками: важность, значимость для разных групп аудиторий, сиюминутность, злободневность, открытость для многочисленных интерпретаций»³. Отметим, что медиатексты сложно рассматривать в отрыве от порождающих их каналов, которые, кстати, и задают их сущностные признаки.

Как правило, историческая наука противопоставляется медиасфере, настолько традиционно, что это противопоставление можно считать классической установкой методологов от истории. Наглядный пример

³ Буряк. 2014. С. 209.

такой методологической стратегии – предложенная И.М. Савельевой и А.В. Полетаевым аналитическая схема, в которой выделены три источника знаний о прошлом: а) профессиональные источники; б) «медиа-источники»; в) «жизненный мир»⁴. Логика этого противопоставления восходит, во-первых, к оппозиции элитарного и массового, во-вторых, к автономному статусу науки и СМИ в институциональном подходе, описывающем каждый из этих феноменов как самостоятельный социальный институт и отдельный агент социализации. Жесткая демаркация науки и медиа, вполне методологически обоснованная там, где речь идет о различиях производимых ими типов знаний о прошлом, существенно затрудняет рассмотрение коммуникации между исторической наукой и медиатекстами. Затемняет она и то обстоятельство (весьма важное для нашего исследования), что наука с самых ранних этапов своего полноценного существования всегда была интегрирована в медиасферу, поскольку письменная апробация научных результатов всегда была и остается частью социальной системы массовой информации.

Узкая специализация научной периодики и монографической литературы воспринимается исследователями как коммуникативный барьер, изолирующий ее от массового читателя. Д.М. Володихин так описывает ситуацию: «Неспециалист равнодушен к научным трудам и обращается к ним весьма редко. Точнее сказать, в исключительных случаях. А когда наступает подобный “исключительный случай”, то интересующийся историческими знаниями человек со-стороны, сталкиваясь с профессионально сделанной монографией, мало понимает в ней, да еще и дает ей порою самое превратное толкование. По страницам популярных журналов и газет, а еще того больше по блогосфере кочуют фразы известных исследователей, вырванные из контекста, искаженные сокращениями, пересказанные до неузнаваемости...»⁵. Думается, это описание демонстрирует не изоляцию научного исторического знания от медиасферы, речь идет о его искажении, отнюдь не ограничивающем прямого влияния. Здесь открывается любопытная перспектива социологического исследования на тему «Какие работы массовый читатель считает профессиональными историческими текстами?». Но, пока оно не проведено, ограничимся предположением, что в массовом сознании существует канон читаемых «профессиональных исторических текстов», и этот канон, весьма вероятно, будет шокирующим для историков.

Коммуникационная связь исторической науки и медиапространства глубже, чем эманация научных текстов в общественное сознание и их дальнейшая вульгаризация. Развитие коммуникационных каналов меняет роль исторических источников. В чередѣ коммуникационных

⁴ Савельева, Полетаев. 2011. С. 7.

⁵ Володихин 2012. С. 346.

революций наблюдается закономерность: каждый следующий массовый канал, опирающийся на новую технологию объективации и передачи сообщения, распространяется быстрее и шире предыдущего, снижая асимметрию ролей коммуникатора и реципиента. Чем глубже проникновение канала в повседневность, тем больше исторической информации остается в его сообщениях. Приращение новейшей истории означает расширение массива и повышение плотности письменных следов прошлого. Коммуникационная версия технологического детерминизма открывает новый взгляд на методологические искания исторической науки в Новейшее время, позволяя интерпретировать их как реакцию на рост медийной информации, хранящей следы социальной жизни.

Отметим, что новые медиа⁶ имеют текстовую форму или сводимы к ней, а текст был и остается излюбленной формой источников для историков. Можно сказать, что герменевтические процедуры вдумчивого, «исторически чуткого» чтения (М. Аллан) составляют основу мастерства историка. Экспоненциальный рост материалов отражается на предмете исторического исследования и его источниковой базе и через предмет диктует свои требования к его методологии. Лингвистический, антропологический, мемориальный, интеллектуальный повороты исторической науки – не стихийные метания между модой и междисциплинарностью, а системная реакция исторической науки на коммуникационную эволюцию социума. Через ряд десятилетий источниками историков станет пользовательский контент современного Интернета, и продвижение общества в цифровую эпоху будет только усиливать эту тенденцию. Открытые цифровые архивы и прозрачность электронного государства придадут новое качество знанию о том «как это было». Интернет визуализирует историческое творчество масс (их вклад в историю и в науку о ней), подготавливая новый объект для историков будущего.

Вместе с тем, рост медиатекстов и включенности массовой аудитории в их производство неизбежно влечет за собой смещение функций профессиональных историков. С одной стороны, становится надежнее (стабильнее?) историческая память, устная история в формате видеоблогинга обретает осязаемость, стремление к «исторической самостоятельности» и «исторической причастности» перерастает из исторической реконструкции в фолк-хистори. «Историческое» раскрепощение молча-

⁶ Новые медиа – условный термин, которым мы предлагаем обозначать социальные сервисы на базе технологий web 2.0. Эти технологии ориентированы на создание контента не профессионалами, а самими пользователями, причем прирост контента равнозначен приросту пользователей – чем больше людей используют сеть, тем выше ее привлекательность. Социальные сервисы (социальные сети) оптимизировали пользовательское управление различными видами интернет-коммуникации, обеспечивая хранение и обмен данными разного формата, публичную активность, приватное и групповое общение, а также самопрезентацию индивидов в Интернет-пространстве.

ливых масс с короткой памятью не может быть нейтральным по отношению к исторической науке, оно предъявляет собственные запросы. Речь идет не о прямой конкуренции, а о выдвигании социально значимых тем, требующих внимания профессионалов. С другой стороны, эпоха быстрого чтения ставит под вопрос продуктивность медленного исторического чтения в сверхнасыщенной информационной среде.

В этих условиях связь исторической науки и лженауки невозможно установить изнутри первой. Необходим более широкий взгляд, и таким взглядом является уровень медиасферы.

История и лженаука. Центральное понятие нашего анализа – лженаука – уязвимо в методологическом отношении. Главная проблема заключается в том, что оно детерминировано выбором точки отсчета: только внутринаучное позиционирование субъекта анализа позволяет идентифицировать лженаучность тех или иных исторических воззрений. Для обывателя существует не лженаука, а наука, в которой одни ученые по тем или иным причинам (чаще всего к науке не имеющим отношения) критикуют и отрицают достижения других. Иначе говоря, диалог лженауки и общества последним весьма часто воспринимается как диалог с наукой. Беспомощность представителей научного сообщества в решении задачи дистанцирования от лжеученых определяется нерешенностью проблемы демаркации научного знания, спецификой научного этоса, неразвитостью PR-практик в научной жизни и, в случае истории, спецификой познаваемого объекта.

Проблема демаркации, трактуемая как определение универсального критерия научности, стала одной из важнейших проблем в философии науки XX в., но так и не получила удовлетворительного решения, несмотря на упорные усилия логических позитивистов, неопозитивистов, исторического направления в философии науки. В процессе ее разработки были установлены смена типов научной рациональности и парадигм, описаны выдвигание новых идей, гипотез, различия в системах идеалов и норм научности в естественнонаучных и гуманитарных областях, выявлены механизмы смены поколений в научном сообществе, а также его дифференциации по темам, подходам, школам. Тем не менее, для различения науки и ненауки приходится использовать комбинированные критерии, эффективно работающие в одних случаях и не дающие результата в других. Пока не сформирована система понятий, позволяющих дифференцировать и фиксировать маргинальную зону между наукой и ненаукой. Как показывает А.М. Конопкин, околonaучное знание описывается с помощью таких терминов, как псевдонаука, паранаука, лженаука, идеологизированная наука, патологическая (девиантная) наука, альтернативная (нетрадиционная) наука, квазинаука, антинаука, «грязная» наука (junkscience), аномальное знание, фальсифицированная наука, фолк-наука («народная наука»), репрессированная

наука, часто употребляемых в качестве синонимов⁷. В основу демаркации кладутся разнообразные критерии, от формальных до предметных (истинность, метод, институциональный статус автора концепции, этическая чистота, идеологизированность, ангажированность). В рамках данной статьи мы будем использовать для фиксации лженауки понятие, выдвинутое С.А. Лебедевым, в соответствии с которым лженаука – это «идеи и концепции, выступающие от имени науки, мимикрирующие под нее путем имитации некоторых ее внешних черт (дискурсивность, рациональность, апелляция к опыту, практике и социально-важным целям), однако не выдерживающие серьезной критики со стороны соответствующего профессионального научного сообщества на соответствие ее заявок общепринятым стандартом научности знания»⁸.

Этос науки – это система ценностей и норм, разделяемая представителями научного сообщества. Как показал Р. Мертон, нормы научного этоса одновременно техничны и моральны, формируясь на основе правил научного метода, они вбирают в себя моральную оценку и лежащую в ее основе ценность⁹, и формируются вокруг базовых императивов: универсализма, коллективизма, бескорыстности и организованного скептицизма. Из первого императива следует внеличностный, объективный характер научного знания. Беспристрастный поиск объективной истины выносит за скобки личностные маркеры, заставляя ученого писать в безличном стиле и быть самокритичным, проверяя и перепроверяя свои результаты. Самопрезентация в науке всегда играет минимальное значение, поскольку решающая роль в вынесении решения о состоятельности идей и заслугах индивида принадлежит научному сообществу. Отдельный же ученый даже не сразу привыкает говорить от своего имени (вспомним весьма сильную отечественную традицию писать научные тексты безлично или пользоваться не менее расплывчатым «мы», присоединяющего к автору его учителей и авторитетов), но не от имени своих регалий; ориентируясь на результат, значение которого понятно специалистам, он пренебрегает формой изложения, используя привычный научно-академический стиль, обрекает себя на безразличие массовой аудитории. Скромный ученый со скучным малопонятным текстом не имеет преимуществ на ярмарке тщеславия медиасферы.

Разумеется, ситуацию можно исправить, обучая научных работников технике самопрезентаций. На Западе *Science communication* представляет собой самостоятельную дисциплину, призванную формировать у ученых прикладные знания о том, как строить диалог с обществом, как представлять себя и свои результаты коллегам и дилетантам. В России

⁷ Конопкин 2010. С. 10.

⁸ Лебедев 2004.

⁹ Merton 1973. P. 270.

научному сообществу только предстоит осознать важность этой дисциплины (первой ласточкой является магистерская программа по научной коммуникации Университета ИТМО). Повсеместно PR-практики в отечественных научных и образовательных учреждениях концентрируют усилия собственных пресс-служб вокруг имиджа вуза (института), не занимаясь продвижением научных исследований сотрудников¹⁰.

История как наука представляет собой удобный объект для лженаучных построений. Во-первых, сами ученые-историки признают принципиальную непознаваемость прошлого. Источники о прошедших событиях являются, в большинстве случаев, результатом субъективного восприятия действительности и такого же субъективного их отражения в документах. Интерпретация этих документов историками также субъективна, в силу чего реконструкция объективной исторической реальности становится невозможной. Методология истории, призывая историков преодолевать субъективизм, оставляет за ними право на авторскую точку зрения, чем активно пользуются представители лженауки.

Во-вторых, история, неспособная достичь объективного знания о прошлом, рассматривается как не наука, а род литературы. У литературного и исторического произведения есть много общего, кроме наличия авторского вымысла, они преследуют одинаковые цели, такие как стремление дать оценку прошедшим событиям, поведению героев, пробудить определенные чувства у читателя, воспитать в нем определенные черты, стать формой идентификации человека с группой, народом, страной и проч. Лжеисторические произведения преследуют ровно те же цели и подчас делают это очень искренне.

В-третьих, это наличие большого количества «белых» пятен в истории. В историческом прошлом нам известны не все события и их обстоятельства, так как это связано с состоянием исторических источников и их доступностью исследователям и широким массам. Пробелы исторического знания дают благодатную почву для появления различного рода фальсификаций.

В-четвертых, это закрытость сообщества ученых-историков. Научные труды пишутся для узкого круга специалистов, очень сложным для массового читателя языком. Кабинетный ученый-историк не имеет возможности донести свою точку зрения до массового читателя по причине недоступности ему медийных ресурсов и неумения соответ-

¹⁰ Обзор деятельности академических и университетских PR-структур, проведенный Агентством SPN Communications в рамках совместного с РВК проекта, показывает дефицит организационных PR-специалистов (0,4-2,6 PR-специалиста на 1000 работников научной/образовательной организации в России vs 4-7 – на Западе) и низкое качество осуществляемого ими PR-сопровождения. Историческая наука оказывается «молчаливым меньшинством», сдавая позиции креативной околонуке. См.: Исследование коммуникативных практик...

ствующим образом подать свой материал, чему виной во многом отсутствие навыков самопрезентации. В исторической лженауке таких проблем нет, как правило ее представители яркие личности, хорошо вписывающиеся в медийный контекст, а востребованность их сочинений в обществе открывает им доступ ко всем необходимым ресурсам, начиная от книгоиздания, заканчивая эфирами на телевидении.

Историческое знание сегодня представлено во многих формах: исторической беллетристики, альтернативной истории, криптоистории, фолк-истории и др., они присутствуют в медиа пространстве, массовом сознании и соперничают с исторической наукой в формировании представлений о прошлом. Различные познавательские практики, не претендующие на статус науки, имеют давнее происхождение и выполняют в обществе социокультурную роль, обеспечивая формирование исторической памяти, переводя научное знание на язык простого обывателя. Критика исторической лженауки вовсе не означает автоматической дискриминации ненаучных и промежуточных форм знания или нивелирования их социокультурной функции, также как признание историчности и многообразия форм исторического знания вовсе не предполагает релятивизма в смысле отказа от оценки этих форм и перехода к «методологическому анархизму»¹¹. Вполне возможно признавать и объяснять плюрализм исторического знания, не принимая тезисы о равной ценности его элементов и форм.

Историческая наука относится именно к научному знанию, обладая разработанной методологией исследований, имея развернутый и обоснованный инструментарий познания прошлого, структурированный научный аппарат и язык описания полученных результатов. Функции исторической науки вполне укладываются в структуру функций научного познания, вплоть до признания за ней возможности истинного описания действительности и наличия прогностической функции. К исторической лженауке соответственно относятся тексты, претендующие на научность, но таковыми не являющиеся, так как, соответственно, игнорируют методологию исторического исследования, научный аппарат и инструменты познания истории, такие как критика исторических источников, изучение историографии, текстологический анализ и др. и на этом основании отрицают установленные исторические факты.

К исторической лженауке можно с полным основанием отнести исторический ревизионизм (негационизм), представленный альтернативными историческими теориями, претендующими на истинность, которые пересматривают исторические концепции на основе отрицания фактов прошлого, их фальсификации либо произвольной интерпретации исторических источников.

¹¹ Вархотов 2017. С. 35.

Медиаспецифика исторической лженауки. В наше время накопилось достаточно много лженаучных теорий, которые были записаны в этот разряд благодаря усилиям научного сообщества историков¹². Сюда можно отнести «Новую хронологию» А.Т. Фоменко¹³, «Ледокол» В. Суворова¹⁴, псевдоисторические сочинения М. Аджи¹⁵, М. Кремо¹⁶, Э. Мулдашева¹⁷, А. Асова¹⁸, А. Бушкова¹⁹, А. А. Арутюнова²⁰ и др.

Критические исследования лженаучных построений позволяют выявить и описать их основные приемы, которые со всей очевидностью можно отнести к манипулятивным технологиям влияния на массовое сознание²¹. Лженаука действует в коммуникативном поле медиасферы, поэтому приемы, которые она использует, также с успехом применяются на телевидении, радио, в печатных СМИ, сети Интернет, книгоиздании. Самый распространенный из них – это манипуляция посредством актуализации ценностных представлений аудитории. Научное знание является одной из важнейших общественных ценностей; именно наука призвана дать человечеству ответы на все его вопросы. Простому обывателю отличие научного знания от ненаучного видится в языке, используемом наукой в описании действительности. Использование специальных слов и символов отличает науку от других форм знания. Лжеученые активно используют терминологию и внешний антураж научных исследований. Мимикрируя под науку, они вводят в заблуждение своих читателей. Другой распространенный прием – метод «забрасывания грязью», он заключается в негативно окрашенной фразеологии, направленной против официальной науки, которой навешивается ярлык лживой, скрывающей от широких слоев общества известную ей истину с определенными целями. Это один из самых грубых пропагандистских приемов, однако, тем не менее он широко используется лженаукой.

Лжеученые активно используют метод упрощения проблемы. Историческая наука призвана ответить на два важных вопроса, относящихся к изучению прошлого: как было? и почему так было? Ответить на оба

¹² Петров 2004. С. 36-59.

¹³ Голубцова, Кошеленко 1982; Голубцова, Смирин 1982, Голубцова, Завенягин 1983; Вассович 1984; Мифы новой хронологии...; История и антиистория...; Сборник Русского исторического общества...; Шмидт 2003. См. также материалы под рубрикой “Мифы “новой хронологии” академика А.Т. Фоменко” в журнале “Новая и новейшая история” (2000, № 3).

¹⁴ Городецкий 1995; Грызун 2004.

¹⁵ Никитин 2006.

¹⁶ Белоусов 2007.

¹⁷ Балашевич 2003; Образцов 2004; 2005.

¹⁸ Что думают учёные о «Велесовой книге»...

¹⁹ Елисеев 1998.

²⁰ Ваксберг 2003; Случ 2004; Соболев 2009; Штейн 2004.

²¹ Дзьялошинский 2005. № 1. С. 29-55, № 2. С. 56-76.

эти вопроса чрезвычайно сложно, что и составляет основную работу историков. В лжеисторических сочинениях, действительность как правило предельно упрощается, и с этой исходной позиции им легче ответить, а читателю воспринять как было и почему так было? Само построение лжеисторических сочинений содержит в себе интригу, что тоже можно отнести к техникам манипуляции, однако, этим лжеистория и история, как и литература не сильно отличаются друг от друга. Погоня лжеученых за сенсациями и стремление раскрыть и раскрасить «белые пятна» истории является сугубо манипулятивным приемом. Следует отметить, что история как наука ставит перед собой такие же цели, однако, они не становятся главными и не определяют методологию исследования. Лжеученые часто используют трюизмы – общеизвестные истины, выдавая их за свои научные открытия. Этот прием можно часто видеть в исторических телефильмах или передачах, где ведущий или рассказчик обращается к старинным книгам или архивам, открывает широкой аудитории ранее неизвестные факты, а на самом деле говорит банальные вещи, давно известные специалистам. Метод использования авторитетов применяется как манипулятивный прием. Ссылки на историков, уже изучавших тему, являются необходимым элементом любого научного исследования и составляет историографию проблемы, в лже-науке, ссылки на авторитеты преследуют цель подтвердить их именем шаткие научные построения и недостоверные сведения. Лжеученые используют и такие манипулятивные методы как: применение псевдологических выводов; допущение возможности чего бы то ни было; утвердительные заявления; подбор аргументов, в том числе аргументированное опровержение; псевдо-объяснение; превентивные ответы (ответы на незадаанные вопросы, когда автор ставит вопрос и сам же на него отвечает); недосказанность, с намеками на какие-либо обстоятельства и др.

Лжеисторические концепции ориентированы на скандал²². Их авторы изначально в своих сочинениях закладывают сценарий скандала, который необратимо возникает при публикации. «Открытия» лжеисториков, становятся сенсациями, если есть общественный резонанс. В их сочинениях всегда два адресата: широкая аудитория и ученые, профессиональные историки, и если последними они будут не замечены и не раскритикованы, то трудно рассчитывать и на массового читателя. Массового читателя лжеисторики привлекают, делая объектом своих исследований и разоблачений ключевые события истории. Эти события сами по себе несут важный для общества информационный потенциал, формирующий его идентичность, поэтому «переосмысление» и «переоткрытие» с такими событиями происходит постоянно. Находясь в пространстве социальной памяти и являясь инструментом политического

²² Дмитриев, Сычев 2014.

манипулирования массами, они естественным образом мифологизируются, а миф становится самым удобным объектом «разоблачения».

История и миф. Мифологизация истории происходит на трех уровнях. Первый уровень – обыденное сознание, для которого восприятие действительности в форме мифов вполне естественно. Миф – это исторически первая форма мировоззрения, но она не замещена сегодня в полной мере религиозной или научной картиной мира, она продолжает сосуществовать рядом с ними, а чаще всего превалирует. Миф представляет собой упрощенную форму восприятия действительности в виде определенного нарративного текста, способного давать простые ответы на сложные вопросы. Образы исторического прошлого также упрощаются и низводятся до уровня мифов. Примером может служить легенда о призвании варягов, где сложный процесс создания древнерусского государства приобретает упрощенную форму: призвали Рюрика – он и заложил основу русского государства. Другой характерный пример – сложный и многообразный процесс преобразований эпохи Петра Великого, который в большинстве случаев сводится в исторической памяти современного россиянина к трем сюжетам в вариациях, персонифицированным в образе самого императора: Петр I «прорубил окно» в Европу, построил флот и обстригал бороды и полы кафтанов боярам. История становится мифом, чтобы быть понятной рядовому обывателю.

Представления о прошлом в обыденном сознании могут быть хронологически непоследовательными, события – смещены во времени, спутаны, герои и факты из разных эпох могут слиться в одно целое, но в то же время структура исторической памяти очень проста и в высшей степени оценочна. Причем оценки сводятся к простой дихотомии добро-зло, хороший-плохой, наши-чужие и т.д. Оценивая факты прошлого, человек рассматривает их в бинарной оппозиции, поэтому манипулирование историческими представлениями достигается путем простой смены оценок тех или иных событий и героев, оценочные характеристики меняются с отрицательных на положительные и наоборот.

Эффективность этого приема хорошо иллюстрирует история восприятия революционных событий и гражданской войны начала XX в. Если во времена социалистического строительства они воспринимались со знаком плюс, то после распада Советского Союза знак меняется на противоположный. В специальной исторической литературе, а главное – в СМИ происходит реабилитация белого движения, возвеличивание высшего офицерского подвига по защите страны от большевизма, очернение героев революции и описание преступлений «красных бандитов».

Большое распространение получают конспирологические теории, в которых происхождение революционных и в целом оппозиционных движений приписывается деятельности специальных служб и разведывательных подразделений иностранных государств. В «документаль-

ных» телевизионных фильмах и печатных СМИ можно найти массу примеров такого освещения событий. Данная трактовка событий нашла отражение в экспозициях интерактивной выставки «Романовы. Моя история»²³ и в лекциях семинара-совещания губернаторов, председателей законодательных собраний и мэров крупных городов, при участии президента РФ В.В. Путина и первых лиц государства (29-31 января 2015 г.)²⁴. Теория заговора, поддержанного иностранными государствами, является универсальным инструментом объяснения возникновения всех революционных и оппозиционных движений. Представление о чуждости обществу революционных идей и навязывание их извне эксплуатируется государственной властью достаточно давно (с начала XIX в.), и поэтому находит сочувственный отклик в массовом сознании.

Второй уровень мифологизации истории – это пространство медиасферы, включающей в себя не только СМИ, но и сферу искусства. Здесь история мифологизируется с вполне очевидной целью, чтобы быть понятной и интересной тому же рядовому обывателю, на которого искусство ориентировано, а СМИ прямо работает. Анализ современного состояния медиасферы позволяет определить основные актуальные исторические концепты и мифологемы массового сознания. Одним из них стал концепт: «Россия, которую мы потеряли»²⁵. В основе его представление о Российской империи до событий 1917 г. как о государстве, основанием которого является социальный консенсус, общественное благополучие и особый жизненный уклад. Разрушен этот идеальный мир был при помощи чуждых иностранных идей и их носителей — внутренних и внешних врагов. Тому идеальному миру соответствовали идеальные герои: дворяне, офицеры, государственные мужи, радеющие за Россию и защищающие ее от врагов. Это вписывается в концепцию реабилитации «белого движения» и ярче всего отразилось в коммеморации 100-летия Первой мировой войны в 2014 г. В СМИ этот период истории был представлен как незаслуженно «забытая война», где было место героическим подвигам, имевшим не меньшее значение, чем подвиги российского народа других войн.

Третий уровень мифологизации истории представлен самой исторической наукой. Историки не свободны от влияния мифов, определяющих общественное сознание, они имеют политические убеждения, им не всегда удается избегать заблуждений. Ошибки исторических исследований, допущенные непреднамеренно или с умыслом, могут стать

²³ Моя история. Романовы...

²⁴ Колесников 2015.

²⁵ Ярче всего этот концепт представлен в творчестве режиссера Никиты Михалкова (в фильмах «Сибирский цирюльник», «Статский советник», «Солнечный удар» и др.), а также в телевизионных документальных фильмах (например, «Исторические хроники» с Николаем Сванидзе).

источником мифов. Поиск исторических мифов и их разоблачение происходит в научной среде постоянно, самые яркие открытия попадают в СМИ, литературу, искусство: они и наука создают мифы – они же призваны их разрушить. Все это будоражит общественное сознание, привлекает внимание к актуальным проблемам современности, объясняет сложные социально-политические процессы и оседает в исторической памяти. Для того, чтобы стать частью исторической памяти представление о прошлом должно быть достаточно упрощено и мифологизировано, сведено до простой идеологической конструкции. Представлению о прошлом совсем не обязательно быть развернутым и содержательным, чем оно будет проще, тем лучше оно будет усвоено.

Таким образом, историческая память становится идеальным инструментом политического и социального манипулирования, чем успешно пользуется историческая лженаука.

История и историческая память. В современном гуманитарном знании произошло разграничение объектов исследования Истории и исторической памяти. Исследование исторической памяти можно понимать как процесс изучения представлений о прошлом в индивидуальном и коллективном сознании. При изучении исторической памяти на первый план выходят проблемы репрезентации истории, субъективное восприятие исторических процессов и фактов, политологизация и коммерциализация истории. Историческая память представляет собой сложное явление, структурно распадающееся на индивидуальную историческую память и коллективную. Коллективная память рассматривается как внегенетическая культурная память какой-либо «мы-группы» (народа, нации, этноса, языковой или культурной общности), способствующая социальному объединению (М. Хальбвакс, Я. Ассман, Ю.М. Лотман). Индивидуальная историческая память основывается на личном опыте человека. Два вида памяти настолько взаимосвязаны, что это позволяет исследователям²⁶ делать выводы о существовании исторической памяти только как коллективной или социальной памяти, включающей индивидуальную память как обобщенный образ представлений, принимаемый и узнаваемый всеми членами общности. Между тем, следует говорить об эволюции исторической памяти от индивидуальной к коллективной. Переход от традиционного общества к индустриальному и постиндустриальному сопровождался потерей человеком родовых связей, а значит и родовой памяти, которая представляла собой начало исторической памяти в собственном смысле. История рода транслировалась через исполнение обрядов, ритуалов, следование традициям, семейные рассказы, фольклор, составляя личный интеллектуальный опыт человека, его историческую память и определяя его идентичность.

²⁶ Репина 2004. С. 42.

В современном мире человек лишен прямой преемственности исторической информации от предыдущих поколений, поэтому с целью обретения собственной идентичности он вынужден обращаться к коллективной памяти, представленной культурой. Сегодня наблюдается устойчивый интерес к генеалогическим изысканиям, семейной истории, микроистории, локальной истории. Все это представляется попытками восстановить индивидуальную «родовую» историческую память. Этот способ доступен в большинстве случаев тем, кто имеет специальное историческое образование и достаточно свободного времени. Более приемлемым, но тоже элитарным способом является участие в движении популяризации истории (клубах исторической реконструкции, самодеятельных творческих коллективах, сюда же можно отнести «возрождение казачества»). Источниками исторической памяти становятся школьное и вузовское образование, средства массовой информации, художественная литература, кинематограф, все возможные «места памяти»²⁷, причем в большей степени на формирование исторической памяти индивида влияют средства массовой информации и места памяти.

Зависимость истории от памяти – очевидный факт. Именно память и ее формы определяют возможности воссоздания прошлого, история оперирует информацией, которая содержится в памяти, но память, как и история, является продуктом воссоздания и, следовательно, реконструкцией прошлого. Память формируется в процессе воспоминаний, которые сами не являются живой реальностью, а представляют собой позднейшие мысленные конструкции, составляющие индивидуальную память человека. Этим объясняется феномен «ложных воспоминаний» (З. Фрейд), т.е. воспоминаний о фактах прошлого, которые хотя и никогда не существовали в действительности, воспринимаются человеком как реальность в силу его убежденности в этом. Причины возникновения «ложных воспоминаний» лежат в воображении и желании сознания забыть о том, что причиняет ему невыносимую боль. «Ложные воспоминания» замещают воспоминания о неприятных событиях биографии человека, но они также могут воссоздаваться в целях восполнения лакун памяти. То, что было прочно забыто, восстанавливается при помощи воображения и приобретает статус реального прошлого, но в сильно измененном виде, часто совершенно отличным от того, что было на самом деле, а может никогда и не происходило²⁸.

Прошлое воссоздается при помощи воспоминаний, воображения, стереотипов и составляет индивидуальную память человека. Воспоминания представляют собой личный или опосредованный опыт человека, воображение является творческим актом, а стереотипы берутся из кол-

²⁷ Нора 1999. С. 26.

²⁸ Хаттон 2003. С. 160-184.

лективной памяти. Коллективная память представляет собой обобщенный образ представлений отдельных личностей о прошлом, которая обогащает, формирует и задает «социальные рамки» (М. Хальбвакс) индивидуальной памяти. Индивидуальная память является источником формирования памяти коллективной, но одновременно наблюдается процесс взаимовлияния, коллективная память может восполнять недостаток представлений о прошлом в памяти отдельного человека.

Коллективная память включает в себя такие виды памяти как коммуникативная и культурная. Коммуникативная память охватывает представления, которые связаны с недавним прошлым, она обычно связана с одним-двумя поколениями и представляет собой те воспоминания, которые человек разделяет со своими современниками. Культурная память не представляет прошлое как объективную реальность, а трансформирует его в символические фигуры, тексты, образы, традиции, обряды, ритуалы, к которым прикрепляются представления о прошлом, являющиеся умозрительной конструкцией²⁹. Культурная память, таким образом, является источником стереотипов, влияющих на формирование памяти, а коммуникативная память предоставляет воспоминания для формирования коллективной памяти общества. Таким образом, коллективная память формируется по тем же принципам, что и индивидуальная, она создается из напряженного переплетения тех же самых элементов: воспоминания и стереотипов, но если в формировании памяти индивида особую роль играет воображение, то стоит предположить, что и для коллективной памяти оно будет иметь значение.

Элемент воображения привносят в структуру коллективной памяти носители культурной памяти человеческого общества. В разные эпохи и в разных культурах это были шаманы, жрецы, барды, учителя, писатели, ученые, они являются носителями знания, в том числе знания о прошлом, которое никогда не передавалось ими в неизменном виде. Всегда при передаче знания о прошлом, оно претерпевало изменения, обусловленные воображением человека, его передающего. Это касается не только устных текстов, но и письменных.

Если говорить об исторической памяти, то она необходимым образом менялась под воздействием воображения профессиональных историков. Для исторического знания достоверность очень важный фактор, так как оно претендует на воссоздание реального прошлого, но в то же время оно не может быть свободно от воображения историка, которое и создает в этом прошлом разночтения. Вместе с тем, именно труды историков создают каркас исторической памяти, их работы влияют на формирование представлений о прошлом писателей, художников, политиков, учителей, которые, в свою очередь, транслируют эти представления

²⁹ Ассман 2004. С. 52-55.

в общественное сознание в сильно измененном виде, привнося в них свой элемент воображения. Наличие элемента воображения в профессиональных исторических исследованиях делают их крайне уязвимыми со стороны критики лжеисториков и различного рода манипуляторов исторической памятью, чем они активно пользуются.

Таким образом, бытие исторической памяти зависит от активности как исторической науки, так и исторической лженауки.

Заключение

Если исходить из характерной для современного цифрового мира объективации исторической памяти в медиасфере, а также масштабов включенности населения планеты в эти процессы, роль исторической лженауки в воспроизводстве исторической памяти (что в соответствии с постулатами социального конструктивизма равнозначно воспроизводству социальной реальности) представляется если не триумфальной, то фундаментальной. Интеллектуальные процедуры ее производства чаще опираются на воображение, нежели на чистое познание; «творцы» тратят много усилий на собственную медийность, узнаваемость и известность; язык близок к масскульту, концептуальное содержание, в силу примитивности, пригодно для трансляции современными медиа.

Создаваемое исторической лженаукой знание – это знание, созданное для масс, на языке масс, представителями масс. Именно поэтому оно пригодно для управления массами и, по той же причине, столь востребовано. Однако эта мрачная картина построена на невольном сгущении красок, забвении того обстоятельства, что лженаука существует только потому, что есть наука: она глубоко вторична по отношению к науке и без нее существовать не может. Многообразие форм знания отнюдь не означает их когнитивной равноценности. За массой всегда скрываются люди, экзистенциальные ситуации которых не разрешимы манипулятивными технологиями. Мировоззренческие функции лженауки реализуются после того, как наука уже выполнила свою роль, создала исходную картину прошлого и систему его оценок. Более того, чаще всего они реализуются там, где наука не способна дать ответы вопрошающим умам. Значит ли это, что лженаучный карнавал в исторической медиасфере должен восприниматься историком как закономерное явление, не требующее никаких действий? Конечно, нет. Как мы помним, обществу жизненно необходимо надежное прошлое. До тех пор, пока мифологические игры лженауки его не подрывают, к ним стоит относиться как к издержкам массовой культуры. А чтобы выход лженауки за эти рамки не произошел, историки должны придерживаться строгой научной методологии исторического исследования, системы ценностей, определяющей этос науки и ее популяризацию. Иначе говоря, просто продолжать хорошо делать свое дело.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
- Балашевич Л.И. Трансгималайский сказочник с точки зрения ученого-офтальмолога // В защиту науки. 2008. № 3. С. 92-93.
- Белоусов Е.В. Так сколько же лет человечеству? Опыт расследования одного аномально-археологического факта // Вестник РАН. 2007. № 1. С. 43-49.
- Буряк М.А. Медисфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. 2014. Вып. 2. С. 200-212.
- Ваксберг А.И. Из ада в рай и обратно. М.: ОЛИМП, 2003. 494 с.
- Вархотов Т.А. Против релятивизма: историческая эпистемология в поисках универсалий // Эпистемология и философия науки. 2017. т. 51. № 1. с. 33-38.
- Вассович А.Л. По поводу статьи М.М. Постникова и "культурно-исторических" публикаций его последователей // Вопросы истории, естествознания и техники. 1984. № 2. С. 114-125.
- Володихин Д.М. «Тяжелое дело – писать легко». Адресат высказываний современного российского историка // Диалог со временем. 2012. № 38. С. 345-352.
- Голубцова Е.С., Завенягин Ю.А. Еще раз о "новых методах" и хронологии Древнего мира // Вопросы истории. 1983. № 12. С. 63-83.
- Голубцова Е.С., Кошеленко Г.А. История древнего мира и "новые методики" // Вопросы истории. 1982. № 8. С. 70-82.
- Голубцова Е.С., Смирин В.М. О попытках применения "новых методов статистического анализа" к материалу древней истории. // Вестник древней истории. 1982. 1. С. 171-195.
- Городецкий Г. «Миф Ледокола»: Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995. 352 с.
- Грызун В. Как Виктор Суворов сочинял историю. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2004. 608 с.
- Дзялошинский И.М. Манипулятивные технологии в масс-медиа // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2005. № 1. С. 29-55, № 2. С. 56-76.
- Дмитриев А.В., Сычев А.А. Скандал: социофилософские очерки. М.: ЦСП и М, 2014. 323 с.
- Елисеев Г. А. Историк России, которого не было // Русское Средневековье. 1998. Вып. 2. М., 1999. С. 94–109.
- Исследование коммуникативных практик научно-образовательных организаций РФ (РБК; SPN Communications) // Официальный сайт Центра комплектования образовательных учреждений и библиотек. URL: <http://www.xn-80adicoibgipeei9b.xn-p1ai/news/759>
- История и антиистория: критика "новой хронологии" академика А.Т. Фоменко. М.: «Языки славянской культуры», 2001. 619 с.
- Колесников А. История – мать порядка. Как губернаторов учили Родину любить на спецсеминаре с участием президента // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2656517?isSearch>
- Конопкин А.М. Когнитивные и социальные предпосылки псевдонауки: Автореф. дисс... канд-та филос.н. Самара, 2010. 20 с.
- Лебедев С.А. Философия науки: Словарь основных терминов. М.: Академический Проект, 2004. 320 с. (Сер. «Gaudeamus»).
- Мифы «новой хронологии» академика А.Т. Фоменко // Новая и новейшая история. 2000. № 3. С. 3-97.
- Мифы «новой хронологии»: Материалы конференции на историческом факультете МГУ (сер. "Антифоменко") / отв. ред. В.Л. Янин. М.: Русская панорама, 2000. 298 с.
- Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17-50.
- Образцов П.А. Азбука шамбалоидов. Мулдашев и все-все-все. М.: Яуза, 2005. 288 с.
- Образцов П.А. АнтиМулдашев. От кого произошёл уфимский офтальмолог? М.: Яуза; Эксмо, 2004. 256 с.
- Петров А.Е. Перевернутая история. Лженаучные модели прошлого // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 36-59.
- Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. 2004. № 5. С. 33-45.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Социальная организация знаний о прошлом: аналитическая схема // Диалог со временем. 2011. № 35. С. 7-18.

- Сайт «Моя история. РОМАНОВЫ. Православная Русь». URL: <http://www.romanovi-expo.ru>
Сборник Русского исторического общества, т. 3 (151): "Антифоменко" / под ред. И.А. Нас-
тенко. М., 2000. 335 с.
- Случ С.З. Речь Сталина, которой не было // Отечественная история. 2004. № 1. С. 113-139.
- Соболев Г.Л. Тайный союзник: Русская революция и Германия 1914-1918. СПб.: Изд-во
С.-Петербургского университета, 2009. С. 46-50.
- Тош Д. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М.: Весь Мир, 2000. 296 с.
- Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб.: Изд-во Владимир Даль, 2003. 328 с.
- Что думают учёные о «Велесовой книге». СПб.: Наука, 2004. 108 с.
- Шмидт С.О. «Феномен Фоменко» в контексте изучения современного общественного
исторического сознания // Исторические записки. Вып. 6 (124). М., 2003. С. 342-387.
- Штейн М.Г. Ульяновы и Ленины. Семейные тайны. СПб.: ОЛМА Медиа Групп, 2004. 512 с.
- Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 p.

REFERENCES

- Assman Ya. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v
vysokih kul'turah drevnosti. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.
- Balashovich L.I. Transgimalajskij skazochnik s točki zreniya uchenogo-oftal'mologa // V za-
shchitu nauki. 2008. № 3. S. 92-93.
- Belousov E.V. Tak skol'ko zhe let chelovechestvu? Opyt rassledovaniya odnogo anomal'nogo
arheologicheskogo fakta // Vestnik RAN. 2007. № 1. S. 43-49.
- Buryak M.A. Medisfera: konceptualizaciya ponyatiya // Vestnik SPbGU. Ser. 9. 2014. Vyp. 2.
S. 200-212.
- Vaksberg A.I. Iz ada v raj i obratno. M.: OLIMP, 2003. 494 s.
- Varhotov T.A. Protiv relyativizma: istoricheskaya epistemologiya v poiskah universalij // Epis-
temologiya i filosofiya nauki. 2017.t. 51. № 1. s. 33-38.
- Vassovich A.L. Po povodu stat'i M.M. Postnikova i \"kul'turno-istoricheskikh\" publikacij ego
posledovatelej // Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki. 1984. № 2. S. 114-125.
- Volodihin D.M. «Tyazheloe delo – pisat' legko». Adresat vyskazyvanij sovremennogo ros-
sijskogo istorika // Dialog so vremenem. 2012. № 38. S. 345-352.
- Golubcova E.S., Zavenyagin Yu.A. Eshche raz o \"novyh metodah\" i hronologii Drevnego
mira // Voprosy istorii. 1983. № 12. S. 63-83.
- Golubcova E.S., Koshelenko G.A. Istoriya drevnego mira i \"novye metodiki\" // Voprosy isto-
rii. 1982. № 8. S. 70-82.
- Golubcova E.S., Smirin V.M. O popytkah primeneniya \"novyh metodov statisticheskogo anali-
za\" k materialu drevnej istorii // Vestnik drevnej istorii. 1982. 1. S. 171-195.
- Gorodeckij G. «Mif Ledokola»: Nakanune vojny. M.: Progress-Akademiya, 1995. 352 s.
- Gryzun V. Kak Viktor Suvorov sochinyal istoriyu. M.: OLMA-PRESS, 2004. 608 s.
- Dzhaloshinskij I.M. Manipulyativnye tekhnologii v mass-media // Vestnik Moskovskogo uni-
versiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2005. № 1. S. 29-55, № 2. S. 56-76.
- Dmitriev A.V., Sychev A.A. Skandal: sociofilosofskie ocherki. M.: CSP i M, 2014. 323 s.
- Eliseev G. A. Istoriik Rossii, kotorogo ne bylo // Russkoe Srednevekov'e. 1998. Vyp. 2. M.,
1999. S. 94–109.
- Issledovanie kommunikativnyh praktik nauchno-obrazovatel'nyh organizacij RF (RVK; SPN
Communications) // Oficial'nyj sajt Centra komplektovaniya obrazovatel'nyh uchrezhdenij i
bibliotek. URL: <http://www.xn-80adicoibgipeej9b.xn-p1ai/news/759>
- Istoriya i antiistoriya: kritika \"novoj hronologii\" akademika A.T. Fomenko. M.: «Yazyki sla-
vyanskoj kul'tury», 2001. 619 s.
- Kolesnikov A. Istoriya – mat' poryadka. Kak gubernatorov uchili Rodinu lyubit' na specse-
minare s uchastiem prezidenta // URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2656517?isSearch=>
- Konopkin A.M. Kognitivnye i social'nye predposylki psevdonauki: Avtoref. diss... kand-ta
filos.n. Samara, 2010. 20 s.
- Lebedev S.A. Filosofiya nauki: Slovar' osnovnyh terminov. M.: Akademicheskij Proekt, 2004.
320 s. (Ser. «Gaudemus»).
- Mify «novoj hronologii» akademika A.T. Fomenko // Novaya i novejšhaya istoriya. 2000. № 3.
S. 3-97.

- Mify «novoj hronologii»: Materialy konferencii na istoricheskom fakul'tete MGU (ser. \("Anti-fomenko") / otv. red. V.L. Yanin. M.: Russkaya panorama, 2000. 298 s.
- Nora P. Problematika mest pamyati // Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyumezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. C. 17-50.
- Obrazcov P.A. Azbuka shambaloidov. Muldashev i vse-vse-ve. M.: Yauza, 2005. 288 s.
- Obrazcov P.A. AntiMuldashev. Ot kogo proizoshyol ufimskij oftal'molog? M.: Yauza; Eksmo, 2004. 256 s.
- Petrov A.E. Perevernutaya istoriya. Lzhenachnye modeli proshlogo // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 3. S. 36-59.
- Repina L.P. Istoricheskaya pamyat' i sovremennaya istoriografiya // Novaya i novejschaya istoriya. 2004. № 5. S. 33-45.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Social'naya organizaciya znaniy o proshlom: analiticheskaya skhema // Dialog so vremenem. 2011. № 35. S. 7-18.
- Sajt «Moya istoriya. ROMANOVY. Pravoslavnaya Rus'». URL: <http://www.romanovi-expo.ru>
- Sbornik Russkogo istoricheskogo obshchestva, t. 3 (151): \("Antifomenko") / pod red. I.A. Nas-tenko. M., 2000. 335 s.
- Sluch S.Z. Rech' Stalina, kotoroj ne bylo // Otechestvennaya istoriya. 2004. № 1. S. 113-139.
- Sobolev G.L. Tajnyj soyuznik: Russkaya revolyuciya i Germaniya 1914-1918. SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 2009. S. 46-50.
- Tosh D. Stremlenie k istine. Kak ovladet' masterstvom istorika. M.: Ves' Mir, 2000 296 s.
- Hatton P.H. Istoriya kak iskusstvo pamyati. SPb.: Izd-vo Vladimir Dal', 2003. 328 s.
- Chto dumayut uchyonye o «Velesovoj knige». SPb.: Nauka, 2004. 108 s.
- Shmidt S.O. «Fenomen Fomenko» v kontekste izucheniya sovremennogo obshchestvennogo istoricheskogo soznaniya // Istoricheskie zapiski. Vyp. 6 (124). M., 2003. S. 342-387.
- Shtejn M.G. Ul'yanovy i Leniny. Semejnye tajny. SPb.: OLMA Media Grupp, 2004. 512 s.
- Merton R. The Sociology of Science. Chicago: University of Chicago Press, 1973. 636 r.

Артамонов Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, artamonovds@mail.ru

Тихонова Софья Владимировна, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры социальных коммуникаций, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, segedasv@yandex.ru

Historical pseudo-science as a phenomenon of media-sphere

The article deals with the interaction between scientific and pseudo-scientific historical knowledge in media sphere. Research methodology is based on the combination of the language of the history of ideas and that of social constructivism, together with the terminology of communication theory. The authors interpret the historical and scientific knowledge as an element of the printed media sphere, explore its features, leading to the appearance of pseudo-scientific knowledge and determine electronic nature of the pseudo-science media manipulative techniques. The authors discuss the impact of science and pseudo-science to historical memory. As a result, they come to the conclusion that a powerful mythologizers potential of the pseudoscience does not mean the primacy of its role in shaping of the historical memory. In this process the pseudoscience is secondary to the science, while science efficiently conducts research and produces reliable past for society.

Keywords: history, methodology, historical pseudo-science, mass media, historical myths, historical memory

Denis Artamonov, candidate of history, associate professor, Chair of Social Communication, Saratov State University, artamonovds@mail.ru

Sophia Tikhonova, doctor of philosophy, professor, Chair of Social Communication, Saratov State University, segedasv@yandex.ru